

— Су Сяовань, ты снова бездельничаешь! Живо вставай и берись за работу, не то я тебя до смерти забью!

Кто это там твякает?!

Су Вань показалось, будто у самого уха раздался визгливый голос какой-то бабы. Пронзительный, как крик старой вороны, он отдавался в голове назойливым гулом.

Вчера она была в таком бешенстве из-за того, что её роман с треском провалился, что чуть не отправилась на тот свет прямо на месте. Целый месяц она корпела над текстом, как заправский небожитель, постигающий дао, а в итоге, когда пришло время расчёта, баланс в личном кабинете красноречиво гласил:

[38 юаней]

Тридцать восемь.

Не триста восемьдесят.

И уж тем более не три тысячи восемьсот.

А всего лишь три! Десять! Восемь!

Ладно. Тридцать восемь так тридцать восемь. На булочки пару дней хватит, чтобы не протянуть ноги. Но когда она дрожащим пальцем нажала на кнопку вывода средств, оказалось, что та... неактивна. А рядом заботливо притаилась крошечная приписка с крайне оскорбительным содержанием:

[Сумма вывода должна быть ≥ 100 юаней]

— ...

— Капиталисты проклятые, вы решили меня в гроб вогнать?!

Су Вань хотелось изрыгать проклятия и помянуть всех предков этих кровопийц до восемнадцатого колена. К чёрту звёзды и моря! К чёрту писательские мечты! Кто хочет, тот пусть и пишет эту дрянь! Лучше уж податься в нищие — глядишь, милостыней заработаешь больше, чем литературным трудом!

В животе предательски заурчало, внутри всё горело от голода. Это чувство пустоты было до боли знакомым и горьким.

Она действительно была голодна. С самого детства у неё было больное сердце, а родная мать умерла при родах. Отец, посчитав её обузой и убыточным вложением, спихнул дочь на руки

бабушке. После школы она сразу пошла работать, но сердце постоянно бастовало, не позволяя устроиться на нормальную должность, так что в итоге она стала уборщицей. Полгода назад, наслушавшись баек одноклассника о том, что на написании романов можно делать десятки тысяч в месяц, она потеряла голову и решила, что это её шанс изменить судьбу.

И что в итоге? Полгода каторжного труда в обмен на 38 юаней, которые даже снять нельзя.

Она не ела уже три дня! Единственное утешение — десять дней назад она успела заплатить за аренду. По крайней мере, было где спокойно... умереть от голода. Хозяйка квартиры была не такой уж плохой, пожалев её, даже скинула сотню. Может, перед смертью пойти поспать на улице? Эх!

Единственное, что она могла сделать — это бороться с голодом сном. Заснула — значит, не голодна.

Но голос, похожий на карканье вороны, становился всё ближе, почти взрываясь у неё над ухом:

— Су Сяовань, я к тебе обращаюсь! Что ты притворилась мёртвой?! Оглохла, что ли?! Живо вставай работать!

Что?!

Мало того что есть нечего, так ещё кто-то вломился в дом и заставляет работать?!

Она яростно распахнула глаза, и в следующую секунду её охватило полное оцепенение.

Что это?

Деревянные балки в старинном стиле над головой?

Жёсткая дощатая кровать, от которой болят бока?

Воздух пропитан сыростью... и каким-то затхлым запахом?

Она резко села и огляделась. Это совсем не походило на её дом. Скорее на временную декорацию для дешёвого исторического сериала. Она опустила взгляд на свою одежду: серая, застиранная, сплошь в заплатках.

В голове загудело. Столько заплаток? Это что, какой-то перформанс?

Она недоверчиво подняла руки: грубые, тёмные, покрытые мозолями и цыпками.

— Это... что это... — голос её дрожал.

— Ах ты, ленивая девка, чтоб тебя черти забрали! Твоя порция маньтоу аннулирована! Не будешь работать — останешься и без обеда! — снова взревела свирепая женщина, сопровождая слова ударами по кровати.

Маньтоу?!

Это слово, словно божественный свет, осветило голодные, позеленевшие глаза Су Вань!

— Буду! Я буду работать! Прямо сейчас! Тётушка, погодите секунду! Где тут... уборная?

Она попыталась вскочить, но тело было слишком слабым. Почти кубарем скатившись с кровати, она жадно обшарила взглядом комнату и увидела в углу на старой деревянной полке таз с водой. Она бросилась к нему и уставилась на отражение.

Перед ней было чужое лицо: землистое, худое, с тусклыми волосами, кое-как перехваченными лоскутком ткани.

— Ай! — она изо всех сил ущипнула себя за бедро.

Не сон?!

Чёрт возьми! Она что... попала в другой мир?!

В следующее мгновение в её сознание хлынул поток чужих воспоминаний. Она попала в книгу, которую читала ещё в старших классах — роман под названием Влюблённость властного генерала. А сама она стала злобной второстепенной героиней — самой низшей служанкой в поместье князя Аня. Имя совпало с её собственным: Су Сяовань.

Её повседневная работа — мыть посуду. Горы бесконечной посуды.

Предки девушки были врачами, но секреты мастерства передавали только сыновьям. Когда начались засуха и голод, родной отец продал её в поместье князя Аня. Сначала она была служанкой при Цзюньчжу, но из-за зависти всё пошло наперекосяк. Главный герой, Сяо Чэнь, был выдающимся лекарем, и Цзюньчжу Ань Юньсюэ благоволила ему. А Су Сяовань тайком написала ему любовное письмо.

Кто такой Сяо Чэнь? Её друг детства. Но он её и в грош не ставил. С самого детства Су Сяовань бегала за ним, как привязанная. Письмо так и не попало в руки адресату — оно выпало, когда она подавала чай Цзюньчжу. Та не стала устраивать скандал, но тихо сослала её на кухню мыть посуду и собиралась выгнать из поместья.

Несколько дней назад у Цзюньчжу пропала кошка, и она велела служанке её найти. Су Сяовань, затаив злобу, попыталась столкнуть Цзюньчжу в озеро, но в итоге сама туда свалилась! Её вытащили, но денег на лекаря не было, и здоровье девушки начало стремительно угасать. Она сгорела от болезни, и в этот самый миг в её тело вселилась Су Вань.

Ань Юньсюэ, уехав из дома, подхватила простуду и хотела позвать Сяо Чэня на лечение. Но тот отказался, так как не был уверен в своих силах. На людях он — генерал, а втайне изучает медицину, но ему нужна практика. Он тайно уехал из поместья, чтобы стать учеником мастера, и вернётся только через некоторое время.

А Су Сяовань? Она была лишь мелкой пешкой, которой суждено было исчезнуть из сюжета.

...

Су Вань смотрела на своё отражение, а потом на гору жирной, грязной посуды в углу. Затхлый запах, наконец, обрёл источник. В душе провалившегося писателя вскипела ярость!

— Твою ж... — она вовремя прикусила язык, хотя внутри всё клокотало.

Другие попадают в знатные дома, становятся опальными императрицами или любимицами судьбы! В худшем случае — деревенскими красавицами! А она? Посудомойка! Второстепенная злодейка! Никаких социальных гарантий, никаких выходных и даже минимальной зарплаты! Ещё и с главной героиней отношения испорчены, того и гляди с голоду помрёшь! Этот сценарий что, специально против неё написан?!

— Ещё копаешься? Будешь медлить — лишу и ужина! — снова рявкнула женщина.

Ужин?!

Су Вань вздрогнула и тут же подчинилась инстинктам.

— Иду! Я иду! Где посуда? Я помою! Я обожаю мыть посуду!

Через полчаса.

— Бах!

Она с силой швырнула в таз тарелку, облепленную рисовыми зёрнами, так что грязные брызги полетели ей прямо в лицо. Рядом с ней вздрогнула другая служанка, Ван Тао, такая же тощая и измождённая, и робко потянула её за рукав:

— Сестрица Сяовань... тише... если разобьёшь тарелку, матушка-надзирательница выпорот палками...

— Палками? — Су Вань смахнула грязную воду с лица, её глаза полыхнули огнём. Она процедила сквозь зубы, выплёскивая всю накопившуюся горечь:

— Пусть бьют! Лучше уж сразу до смерти! На писательстве с голоду помирала, сюда попала — мыть посуду заставляют, да ещё и кормят впроголодь? Капиталисты в гробу перевернутся, глядя на такую эксплуатацию! Поместье князя Аня превратило служанок в вечные двигатели!

Она с остервенением тёрла тарелку, представляя, что это та самая серая кнопка вывода средств.

— Сто юаней! Даже сотню не дали! А тут вообще ни медной монетки! Сколько лет надо мыть посуду, чтобы выкупить себя? Чтобы купить дом? Чтобы стать успешной и выйти замуж за богатого красавца? А?!

Ван Тао слушала, разинув рот. Вывод средств, капиталисты, вечные двигатели, богатые красавцы... Она не понимала ни слова, но звучало это невероятно внушительно. Она почувствовала, что от сегодняшней сестрицы Сяовань исходит пугающая аура, и поспешно опустила голову, принявшись яростно тереть посуду.

Су Вань смотрела на гору тарелок, которые, казалось, размножались сами по себе, и на свои побелевшие, сморщенные от воды руки. В душе боролись скорбь и гнев. В прошлой жизни она была красавицей, и только за те полгода, пока голодала, кожа стала бледной. А эта девушка была истощена до предела, это было видно невооружённым глазом!

Она стиснула зубы и схватила следующую тарелку, словно пытаясь оттереть всю неvezучность двух своих жизней:

— Проклятая судьба, ну ты и зверь! Раз уж один раз умерла, хуже уже не будет!

Она даже не заметила, что в дверях кухни появилась благообразная надзирательница. Та нахмурилась, глядя на неё с недоверием:

— Эта Сяовань... вчера выглядела так, будто вот-вот отдаст концы, а сегодня что за чертовщина? Как можно мыть посуду с таким видом, будто собралась свергать власть?

А Су Вань в это время продолжала мысленно взывать к небесам:

[Система! Папочка Система! Дедушка Система! Ты здесь?! Выйди хоть для проформы! Начала с одной тарелкой, всё снаряжение добывать самой? Минус балл! Позор!]

Разве может быть нормальным человек, который пишет романы? Она просто держалась из последних сил!

Ха-ха-ха, Су Вань чувствовала, что действительно сходит с ума.

<http://bllate.org/book/18826/1832323>